

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 880-891. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.880
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

About Features of the Swedish Military Potential in Reports of the Russian Naval Agent A.K. Petrov in 1908–1911

Stanislav N. Sinegubov ^{a, *}, Sergei P. Shilov ^a

^aTyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the reports of the Russian naval agent A.K. Petrov from the governments of the Scandinavian countries to the General Marine Headquarters in 1908-1911 to assess Swedish military potential. The period was uneasy both in Europe and its Northern part. After the rupture of the Swedish-Norwegian union in 1905 and Petersburg's support for Oslo's striving for independence, the Russian leadership was not well-informed the foreign military policy of Sweden. This was crucial for Russian military-political strategy in the Baltic Region. The substantial part of A.K. Petrov's reports was not only about the fleet, but interesting details about the land army's training in winter, physical training for commanders and men, cultivating sports in the army, organizing the lives of officers and non-commissioned officers, state support for the militia etc. The article indicates that the messages of 1909 were full of information about the army of the Scandinavian state. In the reports of 1910 and early 1911 they were adjusted and supplemented. On the whole, the following picture was formed on their basis: the Swedish armed forces, to a greater degree, especially the fleet, were focused on defence, and land forces were given priority in their development.

Keywords: Russia, Sweden, Russian naval agent, reports of 1908-1911, the Swedish armed forces.

1. Введение

Балтийский регион, начиная с петровских времен, на протяжении всего XVIII и начала XX вв. рассматривался российскими властями в качестве сферы стратегически значимых интересов. Его статусность еще больше возросла в условиях начавшейся с 1906 г. открытой гонки морских вооружений между Великобританией и Германией и присоединения по существу Российской империи к Антанте после подписания в 1907 г. англо-русской конвенции о разграничении сфер влияния двух держав в Азии. Балтика в условиях разделения Европы на два противостоящих друг другу лагеря рассматривалась и в Берлине, и Лондоне, а тем более в Петербурге как потенциальный театр боевых действий. И даже «Секретный протокол между Россией и Германией по балтийскому вопросу», утвержденный 29 октября 1907 г. и предусматривавший поддержание status quo на Балтике абсолютно не гарантировал недопустимость развития событий по кризисному сценарию (Адамов, Козьменко, 1952: 395). Как впрочем, и Декларация и меморандум России, Германии, Дании и Швеции, подписанные государствами через год (Адамов, Козьменко, 1952: 401).

В этой связи, безусловно, важность приобретала информация о военных возможностях балтийских стран, формально занимавших нейтральное положение, но тяготеющих тем или образом к одному из военно-политических блоков.

Самым территориально большим балтийским государством, находящимся в начале XX в. на экономическом подъеме, являлась Швеция (Heckscher, 1954: 216). Рост численности населения в стране характеризовался более высокими темпами, чем в тех же Норвегии или Дании (Хобсбаум, 1999: 488). Поэтому объективная оценка ее вооруженных сил, несомненно, влияла на отработку

* Corresponding author

E-mail addresses: globus_75@inbox.ru (S.N. Sinegubov), sshilov@mail.ru (S.P. Shilov)

официальным Петербургом тактико-стратегических общеполитических и исключительно военных «шведских планов». Одним из важных каналов сбора необходимых сведений являлись послания представителей Морского генерального штаба России за рубежом. Вполне естественно, что в этом случае речь должна идти о донесениях военно-морского агента в Швеции, Норвегии и Дании. Им в рассматриваемый период, т.е. 1908–1911 гг. был старший лейтенант А.К. Петров.

Алексей Константинович Петров прошел многие ступени военно-морской службы. В 1897 г. закончил Морской кадетский корпус, получил чин мичмана, а в 1901 г. – лейтенанта (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3172. Л. 1). В последующем занимал разные штабные и строевые должности. Принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Зарекомендовал себя как ответственный, исполнительный, дисциплинированный и хорошо образованный офицер, знающий не один европейский язык: французский, английский, немецкий, шведский, норвежский (РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 15. Д. 130. Л. 4–20). В июне 1907 г. состоялось вначале его временное, а затем, вследствие приказов 4 и 31 декабря того же года по Главному морскому штабу и Морскому министерству, окончательное назначение военно-морским агентом при правительствах Швеции, Норвегии и Дании (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1 Д. 3921. Л. 4, 13 об.). Следует заметить, что по факту было создано новое ответвление в институте военно-морских агентов, начавшее действовать с 1908 г. До этого времени функции по сбору сведений по скандинавским странам выполнял представитель российского Главного морского штаба в Германии (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3921. Л. 21). Однако в связи с произошедшими переменами в начале XX в. как на самом Скандинавском полуострове, так и в Европе в целом это было уже неэффективно, да и обременительно для одного человека, в обязанности которого входило отслеживать военно-технические и политические изменения сразу в четырех странах, тем более что балтийские государства являлись стратегически важными для России (Игнатьев, 1986: 22–36).

Цель исследования заключается в изучении донесений российского военно-морского агента А.К. Петрова в Морской генеральный штаб в 1908–1911 гг., т.е. времени, когда он занимал эту должность, относительно анализа имеющихся в них оценок и характеристик военного потенциала Швеции. Это в свою очередь является важным для понимания того, как выстраивался политико-военный авераж России в отношении Скандинавии вообще, а с учетом особой истории русско-шведских отношений – Швеции конкретно. Значимым является также выяснение того, насколько опасным виделось А.К. Петрову это государство для России, насколько реально оно могло стать союзником немцев. Ведь известно, например, что в штабе Петербургского военного округа плелись нешуточные интриги с целью создать так называемый новый «Северный фронт» и приравнять, соответственно, округ к числу пограничных, что, как известно, давало особые преимущества по службе. А для этого надо было представлять Швецию в качестве внешнего врага, «чуть ли не заключившего тайный союзный договор с Германией» (Винокуров, 2017: 184).

2. Материалы и методы

При написании статьи в качестве основных источников использовались неизданные и изданные материалы отечественных и зарубежных архивов. Речь в первую очередь идет о документах Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и германского Военного архива во Фрайбурге (ВА-МА). Широко использовались также публикации российских и иностранных авторов, касающиеся проблем истории Швеции и скандинавских стран в целом на рубеже XIX и XX вв.

При анализе поставленной проблемы применялся целый комплекс научно-исследовательских методов. Для группирования и упорядочивания по содержанию различных донесений А.К. Петрова использовался историко-типологический метод. Масштабно применялся и идеографический метод. С его помощью через частные описания стало возможным формирование общего взгляда российского военно-морского агента на особенности шведского военного потенциала в 1908–1911 гг., который по большому счету принципиально не изменился вплоть до начала Первой мировой войны. Благодаря идеографическому методу стало возможным определить характеристики, которые давал наш представитель военно-морским силам Королевства Швеции, его народному ополчению, стрелковым добровольным структурам, организациям офицерского и унтер-офицерского сообществ и другим элементам, формировавшим и квалифицировавшим состояние военных ресурсов государства. В конце концов он показывает уровень полноты и объективности информации, которую А.К. Петров предоставлял Морскому генеральному штабу относительно тенденций развития шведской армии и флота и их опасности для России. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить суждения и оценки А.К. Петрова с научными данными, накопленными в отечественной и зарубежной историографии о шведском военном потенциале в период перед Первой мировой войны. Историко-генетический метод раскрыл причинно-следственные связи создания новой должности специального представителя Морского министерства Российской империи при правительствах Швеции, Норвегии и Дании и работы в ней А.К. Петрова с политикой официального Петербурга в балтийском регионе после знаковых изменений там в 1905–1908 гг., а также нарастанием общего противостояния Великобритании и Германии. Методы синхронизации и сравнения открыли возможность провести определенные параллели и сравнения между развитием добровольного стрелкового и спортивного

движений в Швеции и России в первом десятилетии XX столетия с тем, чтобы показать высокий уровень первых. Историко-ситуационный метод выявил связь сюжетов посланий А.К. Петрова из Стокгольма с текущей внутренней и внешней политико-военной ситуацией.

3. Обсуждение

В отечественной историографии заявленная тема исследования практически не рассматривалась. В обобщающих трудах по истории Скандинавии или же Швеции это невозможно в силу широты и объема рассматриваемых проблем. Однако и в специальных работах «петровский аспект» выпал из поля зрения историков. Деятельность А.К. Петрова очень небольшими штрихами была отмечена в воспоминаниях известного офицера российского Генерального штаба, военного дипломата А.А. Игнатьева. Речь идет о периоде его карьеры, когда он занимал должность военного агента в скандинавских государствах в 1908–1912 гг. (Игнатьев, 1986). Эти же оценки и суждения об А.К. Петрове встречаются в книге В.И. Винокурова, изданной в 2017 г. и посвященной жизненному пути и деятельности «рыцаря военной дипломатии» – А.А. Игнатьеву (Винокуров, 2017). В статье К.А. Табаровской, опубликованной в 2012 г. в журнале «Новая и новейшая история», идет речь в том числе и об оценках и планах российских военных и дипломатов в отношении Швеции в начале XX в. (Табаровская, 2012: 183-194). Однако автор в силу определенных причин не использовала донесения российского военно-морского агента, а потому они не получили должного понимания и оценки. Из сказанного вытекает, что имеющаяся лакуна в исторических знаниях требует заполнения.

4. Результаты

В начале XX столетия в Швеции, впрочем, как и в Норвегии, бытовало широко распространенное мнение о том, что Россия намеревается совершить военное нападение и захватить ряд гаваней с дальнейшим обустройством там своих военно-морских баз (Aselius, 1994). Несомненно, что были и другие настроения, но не они определяли, что называется, общий тренд (Чернышева, 2004). Одними из главных пропагандистов тезиса о «русской угрозе» были шведские морские офицеры, особенно в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (BA-MA. RM 5/1535. Kapitänleutnant Hippel. «Ansichten der swedischen Seeoffizieren über politischen Angelegenheiten». Bergen. 29.07.1904). Сейчас уже абсолютно точно доказано отечественными и признано скандинавскими исследователями, что у России в действительности не было захватнических планов (Мусаев, 2009: 193-203; Мусаев, 2019; Нильсен, 2009: 84-89). Выход Норвегии летом 1905 г. из шведско-норвежской унии, поддержанный, кстати, дипломатией России, неоднозначно расценивался в милитарных кругах (Похлебкин, 1997: 48-61; Sjølv, 2006: 80-113). С одной стороны, это однозначно распыляло военные силы некогда единого государства в Северной Европе и вроде как было выгодно России. С другой – в двух скандинавских странах стал активно дискутироваться вопрос о выборе внешнеполитической и военной ориентации на одну из «великих держав», и прежде всего Великобританию или Германию, пытавшихся взять их под «свое крыло» (Salmon, 1997; Новикова, 2012: 42-47). Если говорить о Швеции, то известно, что при Оскаре II, который занимал трон с 1872 по 1907 гг., немецкое государство воспринималось как «лучший друг» и его влияние проявлялось во всех сферах жизни общества, в том числе и во внешней политике (Игвар, 1951: 86). И, казалось бы, «немецкая заточенность» шведов являлась абсолютно очевидной. Однако именно Оскар II имел множество поклонников в Великобритании, поскольку он был одним из немногих правителей в Европе, кто поддерживал англичан в их войне против буров в 1899–1902 гг. (Оскар II, 2019). Поэтому «английский фактор», пусть в меньшей степени, но тем не менее тоже присутствовал в шведской политике. При новом короле Густаве V (правил с 1907 по 1950 гг.) поначалу пронемецкие настроения оставались сильными. По мнению исследователей, немалую роль в этом сыграло и влияние его жены Виктории, баденской принцессы (Кан, 1999: 178).

Другим фактором, вызывавшим определенную озабоченность в Петербурге, был так называемый «панскандинавский» вариант развития ситуации в Балтии. Идея создания «Панскандинавского союза» (Дания, Швеция, Норвегия) предусматривала при сохранении трех независимых государств формирование единых вооруженных сил (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 4-5). С учетом исторического опыта шведско-норвежского союза, и главным образом антироссийских положений, вытекавших из Канроберовского договора 1855 г. (англо-франко-шведско-норвежское соглашение о недопустимости каких-либо территориальных уступок России на Скандинавском полуострове вплоть до войны), перспективы такого объединения могли быть не очень радужными для России (Мелин и др., 2002: 190). Успокаивало лишь только то, что Дания все-таки была настроена «пророссийски» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 1 об.-2).

Однако полагаться только на датский «благожелательный компонент», очевидно, было нельзя. Новая коалиция под боком российского государства вполне могла создать ненужные проблемы как сама по себе, так и «по наущению» со стороны Лондона или Берлина. Их влияние должно было сказаться обязательно, поскольку во многих отношениях Скандинавия находилась в тесных связях с первыми державами европейского континента. Как полагали в российском Генеральном штабе, в случае перехода «северян», скажем, на «политическую германскую траекторию» очень велика была

опасность того, что система датских проливов, и в первую очередь Большой Бельт, были бы перекрыты. В результате Россия лишалась бы тогда свободного выхода из Балтийского моря со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными экономическими и военно-морскими последствиями (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 6). Поэтому думается, что о какой-то значимой политической самостоятельности «Панскандинавского союза» в реальных условиях того времени, когда очевидным образом начала обостряться борьба между двумя главными мировыми антагонистами – Великобританией и кайзеровской Германией, говорить особо не пришлось бы. Дилемма его внешней направленности никуда не исчезала. Единственная альтернатива могла заключаться только в позиции нейтралитета.

Однако абсолютной уверенности в реализации именно этого сценария развития событий в российских высших военных и военно-морских кругах не было. К тому же в шведском общественном мнении иногда слышались голоса о необходимости реванша за события 1905 г. К ним добавлялись высказывания по болезненной для шведов «финской теме» – о возможности вторжения Швеции в Финляндию. Известные издания, такие, например, как «Svenska Dagbladet опровергали их (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 66 об.). Однако в Петербурге, как говорится, все равно оставался осадок от подобных разговоров. К тому же заметный рост расходов шведскими властями на оборону с конца XIX в. (с 1/3 до 1/2 бюджета) поднимал вопросы, для чего и против кого усиленно развивается королевская армия (Касиян, 2008: 33). Все это в совокупности приводило к тому, что сбор и анализ информации о вооруженных силах, прежде всего Швеции, приобретал особое значение. И работа российского военно-морского агента в Скандинавии была, как никогда, просто необходимой.

Как отмечал А.К. Петров, в конце января 1909 г. для выполнения поручений, получаемых им из Морского генерального штаба, ему приходилось обращаться в Канцелярию шведского Морского ведомства, Штаб шланного командира, Морское училище. И во всех этих учреждениях он встречал предупредительность и готовность помочь в тех вопросах, которые, конечно, не носили секретного характера (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3916. Л. 5). Кстати, во многом такая благорасположенность была обусловлена личными качествами нашего агента, который «благодаря общительности своего характера и ряду небольших услуг вступил в дружественные отношения с большим числом офицеров» (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 10 об.). Для поддержания установившихся отношений и для поощрения других офицеров, которые впоследствии могли оказаться полезными российскому военно-морскому агенту, он ходатайствовал перед руководством о награждении русскими орденами некоторых шведских офицеров. В частности, А.К. Петров хлопотал за бывшего начальника Морского училища, а затем ставшего Главным интендантом шведского флота капитана 2-го ранга Г.Ф. Линдберга, чтобы его наградили орденом Св. Анны 2-й степени, старшего адъютанта Штаба главного командира Стокгольма, командира яхты короля Густава V капитана 2-го ранга Р.А. Тардина – орденом Св. Анны 2-й степени, адъютанта Канцелярии Морского министерства старшего лейтенанта К.О. Хафштрема – орденом Св. Анны 2-й степени (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 5 об.).

Понятно, что в иерархии российских орденов указанные регалии стояли где-то в середине (орден Св. Анны 2-й степени) и даже в конце (орден Св. Анны 3-й степени), тем не менее все равно они относились к особым знакам отличия российского государства (Парадиз, Сычев, 2019). В действиях российского представителя не было ничего необычного. Военно-морские агенты других европейских государств поступали таким же образом. Доказательством является то, что представленные к русской гратификации шведские офицеры уже имели германские, английские, французские, нидерландские награды.

Сбор информации А.К. Петров осуществлял не только по причине благорасположенности шведских офицеров. В это время еще не действовали ужесточения относительно контроля допуска иностранцев к тренировкам, занятиям и маневрам шведских вооруженных сил, установленные несколькими годами позже – в апреле 1912 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3285. Л. 323). Кроме того, немало данных содержали местные и зарубежные печатные издания, находившиеся в свободном доступе. В феврале 1909 г. А.К. Петров представил список судов шведских королевских военно-морских сил, включив в него и парусные лихтеры, поскольку они могли перевозить кавалерию. Кроме того, он в послании к Морскому генштабу отдельно выделил и моторные суда, могущие, по его словам, «также быть принятыми во внимание» (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3916. Л. 8). По всей видимости, речь шла о плавсредствах небольшого водоизмещения. Однако и они в случае войны могли быть задействованы, а потому, как полагал А.К. Петров, должны быть учтены при оценке потенциала шведского боевого флота.

Говоря о новых постройках скандинавского государства на начало 1909 г., российский военно-морской агент писал: «С судостроением дело остановилось, в проекте 8-й истребитель (эскадренный миноносец – С.С., С.Ш) и дивизия миноносцев...Истребитель Хутин, 7-й проект, получит турбинный двигатель... На заводе Мотала строятся подводные лодки малого типа, проверить мне это пока не удалось. Во всяком случае, обе лодки, как и «Хайен», так и новая, будут участвовать в осенних упражнениях флота (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3916. Л. 9 об.-10)». Здесь необходимо подчеркнуть, что в шведских военно-морских силах в 1909 г. имелось две подлодки: одна была построена в Стокгольме, а другая, большего водоизмещения и более быстроходная, в Италии (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923.

Л. 22). Относительно эскадренных миноносцев у скандинавов наш представитель говорил, что они «считаются весьма хорошими», по сравнению с ближайшими ведущими морскими державами, и прежде всего Великобританией, Германией и Россией. Сопоставление шло по таким параметрам, как водоизмещение, скорость и вооружение. К числу надводных кораблей, пополнивших состав шведского флота в 1909 г., А.К. Петров относил миноносцы 1-го класса «Изис», «Тетис» и «Полукс». Первые два возвели на Гетеборгском механическом заводе, на стапелях которого находилось еще два корабля этого типа, а последний – на верфях Карлскроны (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 40).

Далее им была озвучена очень интересная и важная для российского Морского генштаба мысль о том, что в общественном мнении четко наметились два течения относительно военно-морской политики шведского государства. Первое борется за то, чтобы в основание плана обороны была положена автономная эскадра артиллерийского боя, маневрирующая по внутренним линиям за завесой минной и другого рода обороны. Как писал А.К. Петров, сторонники этого направления активно высказывались за оснащение этой эскадры в том числе и кораблями дредноутного типа. Однако относительно водоизмещения броненосца единого мнения пока не было достигнуто. Наиболее ярким и последовательным адептом данной линии являлся капитан 1-го ранга Врангель. Его российский представитель характеризует как «одного из выдающихся офицеров шведского флота, много работавшего по морским вопросам и вероятного начальника Штаба командующего морскими силами во время войны» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3916. Л. 10). Правительство даже сумело провести его в нижнюю палату парламента для отстаивания интересов флота.

Второе течение было представлено приверженцами идеи обороны страны исключительно силами минных судов разного типа и подводными лодками, т.е. возможностями так называемого «экономного», но эффективного флота, особенно в условиях шхер. Однако, исходя из имеющихся возможностей, как писал А.К. Петров, шведский флот в реалии отрабатывал действия, направленные исключительно на защиту собственного побережья. Это наглядно показали его учения в июле–августе 1909 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 51-51 об.).

К концу 1909 г. российский военно-морской атташе склонялся все больше к мысли, что Швеция выберет в итоге именно оборонную стратегию в развитии военно-морских сил и постарается придерживаться нейтральной позиции в соперничестве Великобритании и Германии. Об этом свидетельствовал ее морской бюджет на предстоящий год. В нем основное внимание было уделено строительству именно миноносцам, эсминцам и подводным лодкам (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 82 об.). Однако даже этот флот, по словам А.К. Петрова, считался неудовлетворительным для хорошей береговой обороны датских проливов и недопущения перехода их в руки одной из противостоящих держав (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 84 об.).

Особую ценность в донесениях А.К. Петрова имела информация о сухопутных силах Швеции и все, что их подпитывало со стороны общества. Причем он группировал эти сведения по разделам. Они касались комплектования, организации кавалерийских, пехотных полков, их дислокации, зимних занятий в казарменных и полевых условиях, спортивных состязаний военнослужащих, деятельности стрелковых союзов и обществ. Отдельно также рассматривались вопросы, связанные с путями сообщений и средств связи, обороной Стокгольма, характеристикой крепости Боден, ряда других укреплений и состоянием воздухоплавания.

Пристальное внимание А.К. Петров уделил шведскому народному ополчению как важному резерву армии. Обрисовывая его состояние, российский агент отмечал, что оно находилось на должной высоте и получало всестороннюю, в том числе и финансовую, поддержку от правительства, причем во все увеличивающихся размерах (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 96). И это было неудивительно, если учесть тот объем работ, которое оно выполняло в мирное время, готовясь к возможной войне. Например, в столице действовало «Общество организации сухопутной обороны Стокгольма», занимавшееся возведением в том числе временных укреплений на тактически важных направлениях. В этих сооружениях постоянно проводили свои занятия добровольные стрелковые общества (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 28-28 об.).

О последних структурах А.К. Петров говорил отдельно и немало. Он также высоко оценивал их деятельность и подчеркивал важность для поддержания высокой боеспособности шведской армии. В парламенте в этой связи даже рассматривался вопрос о сокращении сроков на треть службы для допризывной молодежи, прошедшей обучение в добровольных стрелковых обществах, поскольку там хорошо обучали важной составляющей военного дела – стрельбе (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 5). Кстати, призыв в шведскую армию осуществлялся с 18 лет. Однако если новобранец в течение первого года службы достигал требуемого возраста, то рекрутировать могли и в 17 лет.

О серьезности подготовки в стрелковых обществах говорит описание одного из соревнований, организованных Стокгольмским союзом, в котором приняло участие 246 человек. В их задачу входило поражение пяти разноплановых мишеней: фигуры во весь рост на расстоянии 320 метров; фигуры на высоте в 1/3 – 240 м.; движущейся фигуры в четверть роста, причем видимой только в течение 40 секунд – 70 м.; движущейся шагом фигуры во весь рост – 385 м.; движущейся слегка в разные стороны фигуры в половину роста – 350 м. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10). При этом, как писал российский военно-морской агент, «условия стрельбы были очень трудными, так как

большая часть целей была движущаяся и каждая цель была видима лишь в течение не более одной минуты. В этот промежуток времени стрелок должен был зарядить ружье, приложиться и выстрелить» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10).

Примечательно, что кратко охарактеризованное состязание не являлось каким-то уникальным в силу его «столичности». Одновременно похожие турниры в полевой стрельбе проводились Катаринаским, Риндеским стрелковыми обществами и Доюргорденским спортивным обществом.

Следует заметить, что сложность указанных соревнований ничем не уступала, а иногда и превосходила то, что готовили и проводили, можно сказать, профессионально военные общества. В качестве примера можно сослаться на изложение А.К. Петровым первенства между стрелковым союзом Стокгольмской губернии и стрелковым обществом Военно-морского училища в феврале 1909 г. недалеко от Туреберга. В нем приняло участие 78 человек. Мишени состояли из фигур: в человеческий рост на расстоянии в 330 м.; в 1/3 роста на дистанции 180 м.; движущихся – в 1/4 роста – 130 м.; в 1/2 роста – 270 м.; в человеческий рост – 240 м. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10 об.). Более сложными, пожалуй, были только стрелковые турниры строевых офицеров, как, например, в 10-м Седерманладском полку: фигуру в 1/2 роста, исчезающую каждые 10–20 сек. нужно было поразить из ружья с расстояния 450 м., совершая короткие перебежки в 30–40 м. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 27).

По замечанию А.К. Петрова, добровольные стрелковые организации, помимо военной подготовки, выполняли и другие важные государственные функции. Одной из главных являлось сплочение различных слоев населения, поддержание в народе чувства единства и патриотизма. С учетом того, что во всей Швеции насчитывалось 2300 добровольных стрелковых обществ, в которых было задействовано порядка 150000 человек, то, несомненно, следовало признать государственную значимость этих структур (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10). Не случайно власть стимулировала их развитие. И, как писал А.К. Петров, «за последние 10 лет число добровольных стрелков в Швеции увеличилось на 100000» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 29). Для сравнения с этими данными можно привести цифры, характеризующие не столько уровень стрелковой тренированности подданных России, сколько вообще спортивной подготовленности. Так, к началу 1915 г. в Российской империи было примерно 1266 спортивных организаций, разбросанных по 332 «городам и весям». Численность занимавшихся в них людей едва достигала 50000 человек. При этом, с учетом многонациональности России, в основе большей части спортивных обществ лежал национальный признак. Поэтому не удивительно, что в стране имелось более десятков исключительно польских, еврейских, грузинских и других тренировочных сообществ, причем стрельба в них занимала далеко не первое место (Деметр, 2019).

Среди шведских стрелковых обществ, число которых, как уже было указано, постоянно росло, и они даже проводили сессии собственного стрелкового риксдага, имелись и такие, которые действовали уже не один десяток лет. К ним относились Хельсингборское, Союз шведских офицеров, отметивших в 1909 г. соответственно 75 и 50-летие со дня своего основания (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10). Поэтому традиции стрелкового дела были укоренены не только в самой армии, что само по себе не удивительно для вооруженных сил любого государства, но и в шведском обществе в целом. В нем не считалось чем-то экстраординарным и не было диковинным явлением обладать навыками меткой стрельбы и среди гражданского населения.

Спорт в шведской армии занимал значимое место. Понятно, что он носил военно-прикладной характер, повышал навыки и мастерство, которые в первую очередь могли пригодиться в случае начала реальных боевых действий. Среди военно-спортивных дисциплин А.К. Петров обращал внимание на ориентирование. По нему часто проводили соревнования среди офицеров и унтер-офицеров. Причем традиционно они усложнялись специальными заданиями, а также непростыми погодными условиями. Ввиду долгой и снежной зимы в Швеции популярными и частыми в войсках были «мини-первенства» по ориентированию на лыжах. Так, в Эстерсунде 20 февраля 1909 г. такой турнир провели офицеры 6-й дивизии в количестве 21 человека. Расстояние от места старта до финиша составило 30 км. Между двумя этими точками был устроен контрольный пункт, на котором проверялась правильность прохождения дистанции. Первый из участников соревнований выступил в 8 часов утра, а за ним с промежутками в 5 мин. все остальные. Время победителя составило чуть более 4,5 часов (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10). Для непрофессиональных спортсменов, а также с учетом всех особенностей, отличающих лыжное ориентирование от традиционной лыжной гонки, это был более чем достойный результат.

Кроме того, в шведской армии пользовались уважением конькобежные соревнования. Традиционно дистанция забегов составляла 1500 м. Популярными были также и конные скачки в любое время года. Достаточно большое внимание уделялось гимнастике. Определенное число офицеров каждой дивизии обязаны были проходить годовые курсы учителей гимнастики, чтобы в последующем квалифицированно проводить занятия с личным составом по месту службы (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 12). Гимнастическое мастерство шведских офицеров оценила и петербургская публика, когда они были с визитом в российской столице осенью 1909 г. и провели показательные выступления в Михайловском манеже (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 82).

С целью лучшей разработки плана и проведения спортивных соревнований в вооруженных силах в феврале 1909 г. в Стокгольме был учрежден «Шведский военный спортивный союз». В его состав вошли представители всех частей армии и флота и союзов народного ополчения. Председателем организации избрали крон-принца Густава-Адольфа, а вице-председателем – генерал-лейтенанта Варберга, начальника 4-й дивизии, расквартированной в Стокгольме и его окрестностях (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 11 об.). Создание «Шведского военного спортивного союза» под покровительством высокопоставленных чинов, вне всяких сомнений, свидетельствовало о поддержке государством спортивных начинаний в армии и переводом их на регулярную и плановую основу. Это являлось продолжением общей политики властей на стимулирование и развитие спорта в стране. Подтверждением тому стало объединение таких двух структур, как «Шведский государственный союз гимнастики и спортивных обществ» и «Шведское центральное общество для поощрения спорта», в «Союз главных спортивных союзов». Внутри эта новая организация была призвана стимулировать развитие спортивных занятий, а во вне в ее задачу входило представлять страну на Олимпийских играх (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 30).

Вообще определенная упорядоченность внеслужебного времени, по наблюдениям А.К. Петрова, являлась отличительной чертой шведской армии, что, безусловно, характеризовало культуру военного «сословия». Это наглядно было продемонстрировано им на примерах деятельности офицерских и унтер-офицерских обществ. Как писал российский военно-морской агент, «в корпусе офицеров нет какого-либо общего союза. Но имеется несколько более или менее многочисленных обществ, преследующих чисто военные и спортивные цели» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 19). Такие собрания имели командиры разных званий, закончившие курсы Военной академии, артиллеристы, военные инженеры и другие. Во флотской среде также действовало специальное объединение под названием «Общество морских офицеров» с отделениями в Стокгольме и Карлскроне. В этих и им подобных организациях проводились лекции, устраивались диспуты по различным аспектам военной практики.

Однако было бы неправильно представлять, что даже за пределами казарм или боевых судов «отцы-командиры» только и думали о своих военно-специальных проблемах, и поэтому спланивались в своеобразные «профессиональные союзы». Их интересовали и другие вопросы, связанные с увлечениями, привязанностями. Помимо уже указанных спортивных сообществ, шведские офицеры, по словам А.К. Петрова, создавали общества трезвости, любителей словесности. Самым известным из последних было «Военное общество». Наш военно-морской представитель сравнивал его не больше и не меньше с российским «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств». В душе шведских офицеров этой организации порой «звуки муз» звучали громче приказов и распоряжений.

Такой же планомерностью и структурированностью жизни характеризовалось и унтер-офицерское сообщество. Оно стало принимать определенные формы еще в 1887 г. Именно тогда в Стокгольме было организовано «Унтер-офицерское общество». В программу его деятельности входило сближение нижних чинов командного состава всех родов войск, проведение образовательных лекционных занятий с последующим обсуждением и прениями, поддержание духа товарищества, «оказание материальной помощи при погребении скончавшихся членов и вспомоществование их вдовам и сиротам» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 19 об.).

Однако самой крупной организацией в унтер-офицерской среде являлся «Шведский союз унтер-офицеров». Он был создан в 1907 г. с целью объединения всех унтер-офицеров страны для того, чтобы предоставить им полную возможность «удовлетворить запросы в отношении своего развития, как того требует польза родины и ее оборона» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 19 об.). Союз состоял из 11-ти структур, разбросанных по всей Швеции. В Карлскроне, Гетеборге, Эстерсунде и Умео, где были расположены части различных родов войск, были созданы особые унтер-офицерские общества с целью ознакомления друг с другом и «для устройства общих увеселений». Однако последнее все-таки не являлось главной целью их деятельности. Если требовали обстоятельства, то эти организации выступали в защиту прав нижних командирских чинов. Тот же «Шведский союз унтер-офицеров» в 1909 г. подал правительству жалобу на антисанитарное состояние жилых помещений унтер-офицеров в Карлсборгской крепости, Кунгсхольмском форте, крепости Боден и ходатайствовал о создании комиссии для проверки жалоб и исправления ситуации (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 21).

Особо отмечал А.К. Петров тренировки армии в зимнее время, что, впрочем, неудивительно, если учесть, в какой климатической зоне находится Швеция, и занятиям в этот период уделялось большое внимание. Если даже солдаты во время обучения оказывались в поле, вне казарм, то в таких непростых погодных условиях для ночевки шведы устраивали шалаши из земли, углубленные на 1–1,5 м. Вырытая яма устилалась хворостом, в качестве потолка использовался прочный брезент, на который еще сверху насыпался метровый слой земли. Жизнеспособность такого варианта «зимних квартир» продемонстрировали капральская и рекрутская школы, а также школа полевого телеграфного корпуса в конце февраля 1909 г., когда совершали походное движение в Сэдертерн. Температура наружного воздуха была минус 18 (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 6-6 об.).

Кратко характеризуя зимнее обмундирование солдат и офицеров шведской армии, А.К. Петров отмечал, что «форма зимой та же обыкновенная, что и летом, с той только разницей, что она теплее. Зимой шинель на подкладе. На случай же сильных морозов войска могут быть снабжены короткими полушубками образца 1905 года» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 20 об.). Однако они справедливо считались несколько тяжелыми для пехотинцев, поэтому для Норрландии (север страны, составляющий половину всей территории Швеции), где зима была особо суровой, разрабатывался некоторый облегченный вариант. Также особыми свойствами отличалась и обувь. Устав разрешал отходить от традиционных сапог, ботфортов и башмаков и использовать так называемые норрландские башмаки. Они наиболее подходили для непростых погодных условий, кроме того были наиболее удобны для бега на лыжах (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 20 об.).

Для рук употреблялись шерстяные рукавицы и верхние перчатки для одевания на рукавицы. При этом рукавицы пехотинцев имели свободными лишь большой палец и правый указательный, а у кавалеристов, артиллеристов, чинов инженерных войск и обоза и перчатки, и рукавицы были с пятью пальцами. На голове – меховая шапка с козырьком, который защищал верхнюю часть лица и спасал от так называемой «снежной слепоты». Шведы, по достоинству оценивая применяемый в русской армии башлык, закрывающий одновременно голову, шею и уши, все же отказались от его применения. Причина, по их мнению, как писал А.К. Петров, заключалась в имеющемся в этом виде одежды существенном недостатке: он мешал солдату поворачивать голову. Чтобы сделать это, требовалось разворачивать все туловище. Помимо неудобства как такового, с учетом всей зимней экипировки, подобное телодвижение было и более затратным по времени. Пусть это были секунды, но именно они в условиях боя могли обернуться потерей жизни или ранением. В шведской армии пошли по другому пути. Там вместо башлыка к шапке делали шерстяное прикрытие, закрывающее шею, затылок и не мешающее свободно поворачивать голову (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 20 об.).

Все тяготы зимней службы, наряду с солдатами, несли и офицеры. При их подготовке к будущей службе, даже если ее прохождение планировалось на юге Швеции, где холодный сезон по своей суровости все-таки отличался от северных районов, в обязательном порядке проводился курс обучения именно в Норрландии, в частности в крепости Боден и ее окрестностях. Это фортификационное сооружение стало возводиться в 1901 г. Цель – защита и прикрытие северных районов Швеции от нападений вероятного противника и железной дороги в Норвегию. Именно по ней осуществлялся вывоз железной руды, одного из главных экспортных товаров страны.

Крепость Боден, без всякого преувеличения, являлась уникальным военно-инженерным сооружением. Ее броневые форты были полностью вырублены из скальных пород. И она действительно имела стратегическое значение для обеспечения безопасности Швеции (Крепость Боден, 2019). В ней постоянно проводились учения и тренировки юнкеров, служа одновременно своеобразным достопримечательным местом, которое часто посещали военные с экскурсионными целями. Но даже во время этих ознакомительных поездок, как замечал А.К. Петров, не упускалась возможность проведения тактических занятий. Они осуществлялись при соответствующей экипировке и даже при температуре воздуха ниже 30°. Как писал российский военно-морской агент, «устраиваемым в Норрландии упражнениям вообще придается большое значение, так как война на северном театре считается шведами вполне возможной, и для ознакомления офицеров с особенностями этого театра не упускается ни один возможный случай» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 15 об.).

Большое внимание шведское правительство уделяло, по мнению А.К. Петрова, обеспечению качественной связи как для гражданско-коммерческих, так и для военных целей. Важным шагом в этом направлении стало открытие в 1909 г. в Гетеборге станции радиотелеграфа, предназначенной для сообщения с Англией. Подобные станции, соединяющие Швецию с Германией, к этому времени уже имелись в Карлскроне и Оскар-Фредриксберге. Гетеборгский пункт связи имел две мачты высотой 80 м. Далее А.К. Петров отмечал, что международный беспроволочный телеграф пользовался волнами 600 м., но в шведском флоте действовали иные правила, пока неизвестные русским. На одном из островов в центре Стокгольма, Шеппсхольмене, была сооружена и действовала особая станция радиотелеграфа для обучения матросов-сигнальщиков флота и «для опытов по усовершенствованию беспроволочного телеграфа, которые, по словам нашего агента, давали хорошие результаты» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 16).

Не осталось вне поля зрения А.К. Петрова и изобретение шведским майором фон Унге так называемой «воздушной торпеды», которую можно было использовать как в военных, так и мирных целях, например, для спасения людей с тонущего корабля. В газетах того времени, и в частности британских, писалось, что известная германская военно-промышленная компания Ф. Круппа желала приобрести право на производство торпед фон Унге для борьбы против управляемых аэростатов (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 17). Как показала дальнейшая история, действительно фирма Ф. Круппа в том же 1909 г. купила патент у фон Унге и имеющийся у него запас «воздушных торпед» в количестве 100 единиц. Немцы хотели довести боевой заряд снаряда до 50 кг. и обеспечить дальность его полета на 4–5 км. В течение 1910 г. велись опыты, которые в итоге закончились официальным заявлением об их прекращении ввиду того, что не удалось якобы добиться кучности огня. Многие

специалисты в военном деле не поверили этому сообщению хотя бы потому, что за несколько месяцев до этого германская компания подала заявку на патент изобретения «усиленной воздушной торпеды». Правда, в годы Первой мировой войны немцы не применяли этот вид оружия. По всей видимости, фирма Ф. Круппа действительно, не добившись нужного результата в деле переделке «воздушных торпед» фон Унге в тяжелую артиллерию с небольшой дальностью стрельбы, стала экспериментировать с другими средствами доставки боезарядов. Надо полагать, что столь же безуспешными оказались эксперименты и британского Адмиралтейства, которое тоже брало это «чудо-оружие» на проверку (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 34). Единственной страной, которая использовала изобретение шведского военного, была Франция (Лей, 1960: 22).

Большая часть сообщений А.К. Петрова в 1910 г. и начале 1911 г. были посвящены уточнениям и детализированием тем, поднятых и раскрытых им в 1909 г. Уже в апреле 1911 г. он встречал в Стокгольме и вводил в курс дела старшего лейтенанта П.Ф. Келлера, который должен был сменить его на посту военно-морского агента. Он делал это со свойственной ему тщательностью, благорасположенностью и учтивостью, чем вызвал нескрываемый восторг и воодушевление своего «сменщика» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 15 об.). Российская императорская миссия в Стокгольме выражала сожаление морскому министру И.К. Григоровичу в связи с намечаемой ротацией, поскольку в лице А.К. Петрова она имела «деятельного, отлично осведомленного и полезного сотрудника» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 16). 9 мая 1911 г. П.Ф. Келлер приказом по Морскому ведомству был назначен военно-морским агентом в Швеции, Норвегии и Дании (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 18-19).

5. Заключение

В 1912 г. российское военное руководство окончательно сформулировало цели и задачи в отношении Швеции. Определенный вклад в это дело внесли донесения военно-морского агента А.К. Петрова. За почти три с половиной года практической деятельности в скандинавских странах представитель Морского генерального штаба отправил большое количество сообщений. В значительной степени они были посвящены Швеции по причине значимости ее стратегического положения в Северной Европе, той роли, которую мог играть ее военный потенциал в гипотетически возможном «Панскандинавском союзе», а также в развернувшемся противостоянии Великобритании и Германии и блоками, возглавляемыми ими. Так получилось, что наиболее содержательными были послания 1909 г. В них рассматривались вопросы, касающиеся как морских, так и сухопутных сил Швеции. В целом российский агент оценивал невысоко военный потенциал флота, отмечал запутанность в организации и подготовке его личного состава. Несмотря на дискуссию в военно-политических верхах страны, ретранслируемую в общество относительно выбора пути военного кораблестроения – создание больших броненосно-линейных судов или, напротив, малого водоизмещения, типа эскадренных миноносцев, миноносцев, подводных лодок, верх брали именно сторонники второго направления. Таким образом, Морскому генеральному штабу было понятно, что шведский флот в значительной степени ориентирован на оборону в условиях шхер.

При характеристике сухопутных сил А.К. Петров обращал большое внимание на тренировки и учения в зимнее время и соответствующую экипировку солдат и офицеров, на нацеленность вооруженных сил вести боевые действия в непростых климатических условиях. Особо он отмечал физическую подготовку командного и рядового состава, культивирование в армии спорта. Не остались незамеченными организованность жизни офицеров и унтер-офицеров, что делало их службу более полноценной и интересной. Шведская армия стремилась внедрять последние военно-технические достижения, не исключая открытия и своих офицеров. Дополнительным и серьезным резервом вооруженных сил были многочисленные добровольные стрелковые общества. Они поддерживались государством, поскольку выполняли не только военные, но и объединительно-патриотические функции. Значимой для обороноспособности Швеции считал российский военно-морской агент и деятельность народного ополчения. В общем, исходя из совокупной информации, складывалось впечатление, что шведская сухопутная армия и население готовы были оказывать самое серьезное сопротивление любому противнику, вторгшемуся на территорию страны. Однако к каким-то наступательным действиям она специально не готовилась, что позволяло просматривать в будущей европейской войне нацеленность Швеции все-таки на нейтралитет.

Литература

Адамов, Козьменко, 1952 – Адамов А.А., Козьменко И.В. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 464 с.

Винокуров, 2017 – Винокуров В.И. Рыцарь военной дипломатии граф А.А. Игнатьев. М.: Русская панорама, 2017. 480 с.

Деметр, 2019 – Деметр Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. [Электронный ресурс]. URL: <http://wikireading.ru/263721> (дата обращения: 03.01.2019).

Игвар, 1951 – Игвар А. История Швеции. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. 107 с.

- Игнатъев, 1986** – Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. 752 с.
- Игнатъев, 1986** – Игнатъев А.В. Балтийский вопрос во внешней политике России. 1905–1907 гг. // *Вопросы истории*. 1986. №3. С. 22–36.
- Кан, 1999** – Кан А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. М.: Российский гуманитарный университет, 1999. 359 с.
- Касиян, 2008** – Касиян А.С. «Русская угроза» Норвегии: происхождение, эволюция и интерпретация мифа // *Вестник Баренц-Центра МГПУ*. Мурманск, 2008. Вып. 7. С. 31–42.
- Крепость Буден (Боден), 2019** – Крепость Буден (Боден) [Электронный ресурс]. URL: <http://fortoved.ru/forum/index.php?rid=0&t=msg&th=1020> (дата обращения: 04.01.2019).
- Лей, 1960** – Лей В. Ракеты и полеты в космос. М.: 1-я тип. Мин-ва Обороны СССР, 1960. 71 с.
- Мелин и др., 2002** – Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М.: Весь мир, 2002. 400 с.
- Мусаев, 2009** – Мусаев И.В. Миф о русской угрозе в Скандинавии в XIX – начале XX вв. // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского) / Сост. В.Е. Возгрин. СПб.: Изд-во «АИК», 2009. С. 193–203.
- Мусаев, 2019** – Мусаев И.В. Представление о «русской угрозе» в Северной Европе: история и современность. [Электронный ресурс]. URL: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/17_1_2017/2017_17_1_Musaev_V_I_-_Predstavlenie_o_russkoj_ugroze_v (дата обращения: 15. 01. 2019).
- Нильсен, 2009** – Нильсен Й.П. «Русская угроза» на Севере Европы и Ноябрьский договор 1855 года // *Российская история*. 2009. №3. С. 84–89.
- Новикова, 2012** – Новикова И.Н. Швеция во внешней политике Германии накануне Первой мировой войны // *Клио*. 2012. №6. С. 42–47.
- Оскар II, 2019** – Оскар II. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/oskar2shwed.php (дата обращения: 15.01.2019).
- Парадиз, Сычев, 2019** – Парадиз А., Сычев В. Наградная система Российской империи. Ордена Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://medalirus.ru/stati/paradiz-sychev-nagradnaja-sistema.php> (дата обращения: 01.01.2019).
- Похлебкин, 1997** – Похлебкин В.В. Россия первой признала норвежскую независимость (1905) // *Международная жизнь*. 1997. №5. С. 48–61.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГАВМФ** – Российский государственный архив военно-морского флота.
- Табаровская, 2012** – Табаровская К.А. Швеция в стратегических планах и оценках российских военных и дипломатов в начале XX века // *Новая и новейшая история*. 2012. №4. С. 183–194.
- Хобсбаум, 1999** – Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 512 с.
- Чернышева, 2004** – Чернышева О.В. Шведы и русские: образ соседа. М.: Наука, 2004. 253 с.
- Aselius, 1994** – Aselius G. The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm: Almquist&Wiksellintern, 1994. 455 p.
- BA-MA. RM** – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD).
- Heckscher, 1954** – Heckscher E.F. An Economic History of Sweden. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1954. 308 p.
- Salmon, 1997** – Salmon P. Scandinavia and the Great Powers 1890–1940. Cambridge: Cambridge Academ, 1997. 448 p.
- Sjlov, 2006** – Sjlov S. «...en fullstendig uavhengig stat i hele dens territoriale utstrekning». Russland og fremveksten av det uavhengige Norge // *Hobson R., Holtmark S.G., Kristiansen T. Stormaktene Sveige og Norge 1905–1907*. Oslo: Cappelen Akademisk Forlag, 2006. pp. 80–113.

References

- Adamov, Koz'menko, 1952** – Adamov A.A., Koz'menko I.V. (1952). Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of contracts of Russia with other states. 1856–1917]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 464 p. [in Russian]
- Aselius, 1994** – Aselius G. (1994). The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm: Almquist&Wiksell intern. 455 p.
- BA-MA. RM** – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD).
- Chernysheva, 2004** – Chernysheva O.V. (2004). Shvedy i russkie: obraz soseda [Swedes and Russians: image of the neighbor]. М.: Nauka, 253 p. [in Russian]
- Demetr, 2019** – Demetr G.S. (2019). Ocherki po istorii otechestvennoy fizicheskoy kultury i olimpiiskogo dvizheniya. [Sketches on stories of domestic physical culture and the Olympic Movement]. [Electronic resource]. URL: <http://wikireading.ru/263721> (date of the address: 03.01.2019). [in Russian]
- Heckscher, 1954** – Heckscher E. F. (1954). An Economic History of Sweden. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 308 p.
- Hobsbaum, 1999** – Hobsbaum E. (1999). Vek imperii. 1875–1914 [Century of the empire. 1875–1914]. Ростов-на-Дону: Феникс. 512 p. [in Russian]

- Ignat'ev, 1986** – Ignat'ev A.A. (1986). Pyat' desyat let v stroyu [Fifty years in a system]. M.: Voenizdat. 752 p. [in Russian]
- Ignat'ev, 1986** – Ignat'ev A.V. (1986). Baltijskij vopros vo vneshnej politike Rossii. 1905-1907 gg. [The Baltic question in foreign policy of Russia. 1905-1907]. *Voprosy istorii*. No. 3. pp. 22-36. [in Russian]
- Igvar, 1951** – Igvar A. (1951). Istoriya Shvecii [History of Sweden]. M.: Izd-vo inostrannoj literatury. 107 p. [in Russian]
- Kan, 1999** – Kan A.S. (1999). Shveciya i Rossiya – v proshlom i nastoyashhem [Sweden and Russia – in the past and the present]. M.: Rossijskij humanitarnyj universitet. 359 p. [in Russian]
- Kasiyan, 2008** – Kasiyan A.S. (2008). «Russkaya ugroza» Norvegii: proisxozhdenie, e`volyuciya i interpretaciya mifa ["Russian threat" to Norway: origin, evolution and interpretation of the myth]. *Vestnik Barents-Tsentra MGPU*. Murmansk. No. 7. pp. 31-42. [in Russian]
- Krepost` Buden (Boden), 2019** – Krepost` Buden (Boden) [Fortress Buden (Boden)]. [Electronic resource]. URL: <http://fortoved.ru/forum/index.php?rid=0&t=msg&th=1020> (date of the address: 04.01.2019). [in Russian]
- Lej, 1960** – Lej V. (1960). Rakety i polety v kosmos [Rockets and space flights.]. M.: 1-ya tip. Min-va Oborony` SSSR. 71 p. [in Russian]
- Melinet al., 2002** – Melin Ya., Yuxansson A.V., Xedenborg S. (2002). Istoriya Shvetsii [History of Sweden]. M.: Ves` mir. 400 p. [in Russian]
- Musaev, 2009** – Musaev I.V. (2009). Mif o russkoj ugroze v Skandinavii v XIX – nachale XX vv. [The myth about the russian threat in Scandinavia in XIX – the beginning of the 20th centuries]. *Problemy istorii Rossii i stran Severnoi Evropy: ot Srednikh vekov do nashikh dnei (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.P. Shaskol'skogo)*. Sost. V.E. Vozgrin. SPb.: izd-vo «AIK». pp. 193-203. [in Russian]
- Musaev, 2019** – Musaev I.V. (2019). Predstavlenie o «russkoi ugroze» v Severnoi Evrope: istoriya i sovremennost' [Idea of "the Russian threat" in Northern Europe: history and present]. [Electronic resource]. URL: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/17_1_2017/2017_17_1_Musaev_V_I_-_Predstavlenie_o_russkoj_ugroze_v (date of the address: 15. 01. 2019). [in Russian]
- Nil`sen, 2009** – Nil`sen J.P. (2009) «Russkaya ugroza» na Severe Evropy` i Noyabr`skij dogovor 1855 goda ["The Russian threat" in the north of Europe and the November contract of 1855]. *Rossiiskaya istoriya*. No. 3. pp. 84-89. [in Russian]
- Novikova, 2012** – Novikova I.N. (2012). Shvetsiya vo vneshnei politike Germanii nakanune Pervoi mirovoi voiny [Sweden in foreign policy of Germany on the eve of World War I]. *Clio*. No. 6. pp. 42-47. [in Russian]
- Oskar II, 2019** – Oskar II. [Electronic resource]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/oskar2shwed.php (date of the address: 15.01.2019). [in Russian]
- Paradiz, Sychev, 2019** – Paradiz A., Sychev V. Nagradnaya sistema Rossijskoj imperii. Ordena Rossijskoj imperii [Prize system of the Russian Empire. Awards of the Russian Empire] [Electronic resource]. URL: <http://medalirus.ru/stati/paradiz-sychev-nagradnaja-sistema.php> (date of the address: 01.01.2019). [in Russian]
- Pokhlebkina, 1997** – Pokhlebkina V.V. (1997). Rossiya pervoi priznala norvezhskuyu nezavisimost' (1905) [Russia the first recognized the Norwegian independence (1905)]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 5. pp. 48-61. [in Russian]
- RGAVMF** – Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv voenno-morskogo flota [Russian state archive of naval].
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv [Russian state military and historical archive].
- Salmon, 1997** – Salmon P. (1997). Scandinavia and the Great Powers 1890-1940. Cambridge: Cambridge Academ. 448 p.
- Sjlov, 2006** – Sjlov S. (2006). «...enfullstendig uavhengig stat i hele dens territoriale utstrekning». Russland og fremveksten av det uavhengige Norge. *Hobson R., Holtsmark S.G., Kristiansen T. Stormaktene Sveige og Norge 1905-1907*. Oslo: Cappelen Akademisk Forlag. pp. 80-113. [in Norwegian]
- Tabarovskaya, 2012** – Tabarovskaya K.A. (2012). Shvetsiya v strategicheskikh planakh i otsenkakh rossiiskikh voennykh i diplomatov v nachale XX veka [Sweden in strategic plans and estimates of the Russian military and diplomats at the beginning of the 20th century]. *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 4. pp. 183-194. [in Russian]
- Vinokurov, 2017** – Vinokurov V.I. (2017). Rytsar' voennoi diplomatii graf A.A. Ignat'ev [Knight of military diplomacy of columns A.A. Ignatyev]. M.: Russkaya panorama, 480 p. [in Russian]

Об особенностях шведского военного потенциала в донесениях российского военно-морского агента А.К. Петрова в 1908–1911 гг.

Станислав Николаевич Синегубов ^{а, *}, Сергей Павлович Шилов ^а

^а Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются донесения российского военно-морского агента А.К. Петрова при правительствах скандинавских стран в Морской генеральный штаб в 1908–1911 гг. с точки зрения оценки шведского военного потенциала. Указанный временной отрезок был непростым в межгосударственных отношениях в Европе вообще, и ее Северной части в частности. В условиях после разрыва шведско-норвежской унии в 1905 г., когда официальный Петербург поддержал Осло в стремлении к независимости, военному и военно-морскому руководству Российской империи были не совсем ясны перспективы внешнеполитической ориентации и ее военной составляющей Королевства Швеции. В обстановке разделения ведущих держав мира на два противостоящих друг другу блока это являлось принципиально важным для выстраивания собственной военно-политической стратегии в балтийском регионе. Поэтому неудивительно, что содержательная часть донесений А.К. Петрова была насыщена информацией не только о флоте, но и сухопутной армии Швеции. Как показывают авторы, данные о последней отличались интересными деталями и подробностями. Это касалось тренировок и учений в зимнее время, физической подготовки командного и рядового состава, культивирования в армии спорта, организации жизни офицеров и унтер-офицеров, поддержки государством народного ополчения и др. В статье указывается, что особой наполненностью данными о вооруженных силах скандинавского государства отличались послания 1909 г. В донесениях 1910 и начала 1911 гг. осуществлялась их корректировка и дополнения. В целом на их основании формировалась определенная картина: шведские вооруженные силы в большей степени, особенно флот, были ориентированы на оборону, предпочтение в их развитии отдавалось сухопутным силам.

Ключевые слова: Россия, Швеция, российский военно-морской агент, донесения 1908–1911 гг., шведские вооруженные силы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: globus_75@inbox.ru (С.Н. Синегубов), sshilov@mail.ru (С.П. Шилов)